

Мужчина под деревом поднял девочку и пошел в другую сторону. Ань Фан беспомощно поднял руку, чтобы позвать его по имени, но, прежде чем он успел открыть рот, его горло словно сжалось, и он не смог издать ни звука. Его рука опустилась, и в глазах появилась растерянность.

Ань Фан шел слишком быстро, слишком торопливо, и он оставил И Хуая позади.

— Чицин...

Ань Фан с силой закрыл глаза, и под кепкой, скрывавшей половину его лица, промелькнула едва уловимая слабость.

Устало повернувшись, он потер лоб и вдруг почувствовал, что рядом чего-то не хватает. Ань Фан словно получил удар током, его тело оцепенело, и он с трудом повернулся.

И Хуай стоял на месте, не двигаясь. Или, скорее, он не успел среагировать. В тот момент, когда Ань Фан повернулся, И Хуай протянул руку, чтобы остановить его, но успел лишь коснуться полы его пальто, поднятой инерцией. Затем он увидел, как Ань Фан в панике бросился вперед.

Неоновые огни отражались на лице И Хуая, но оно оставалось бесстрастным, как всегда. Его черты были холодны, а губы сжаты в прямую линию, словно готовые превратиться в острый клинок.

Губы Ань Фана дрогнули. Он вдруг понял, что ситуация стала хуже. Холод в глазах И Хуая был сильнее, чем окружающий воздух. Из-за этого неожиданного поворота событий хорошее настроение между ними исчезло. Ань Фан хотел объяснить, но не находил слов. В тот момент, когда он увидел Линь Чицина, его сердце переполнилось множеством эмоций, словно он внезапно постарел на много лет, и он не знал, как начать.

Они вернулись к переулку, сели в машину и поехали в Лунхуа. Всю дорогу никто не говорил. Ань Фан чувствовал себя растерянным. Он с раздражением потер лоб. По сравнению с ситуацией с Линь Чицином, сейчас его больше беспокоил И Хуай, которого он оставил позади. Время от времени свет фонарей падал в машину, и можно было увидеть напряженный подбородок И Хуая, выдававший его плохое настроение.

— И Хуай, — тихо позвал Ань Фан.

И Хуай не ответил.

Ань Фан глубоко вздохнул и опустил глаза:

— Прости.

Тишина затянулась. Ань Фан беспомощно отвернулся и снова глубоко вдохнул, не сказав больше ни слова.

Он не знал, каково это — оставить И Хуая с недоумением, повернувшись к нему спиной.

Ань Фан устроился на диване, его мысли были в полном беспорядке. Обычно он не был склонен к размышлениям, но сегодня вечером он совершил две ошибки. Первая — не догнать Чицина и не спросить, как у него дела. Вторая — сказать И Хуаю лишь «прости», не продолжив разговор, когда тот молчал.

В душе Ань Фана было тяжело. И, судя по степени раскаяния, он чувствовал больше вины перед И Хуаем.

Зима всегда приносила с собой раздражение и необходимость выпустить пар. Ань Фан чувствовал, как его душит напряжение. Как только они вернулись в Лунхуа, молчаливый И Хуай направился в кабинет. Ань Фан смотрел на его спину, хотел что-то сказать, но не находил подходящих слов.

Он не знал, как объясниться.

К счастью, было уже около одиннадцати. Обычно в это время, если они не занимались любовью, они уже готовились ко сну. Ань Фан постучал в дверь кабинета, его голос был тихим.

— И Хуай.

Он подождал у двери. В комнате было тепло, но он не чувствовал этого, все еще одетый в пуховик. Свет лампы отбрасывал длинные тени от его ресниц, подчеркивая темные круги под глазами от недосыпа.

Ань Фан сжал губы, глядя на резные узоры на двери, каждая линия которых была изогнута. Его сердце было так же запутано, как эти узоры.

Он нервничал.

Прошло около пяти минут, но дверь так и не открылась. Ань Фан сжал губы в прямую линию, и его выражение стало похожим на обычное выражение И Хуая.

Нахмутив брови, он снова поднял руку, чтобы постучать. Но как только он это сделал, дверь открылась.

И Хуай стоял в дверях с бесстрастным лицом. Ань Фан приоткрыл рот, чтобы что-то сказать. И Хуай смотрел на него. Ань Фан облизал губы, и вдруг И Хуай нахмурился и посмотрел вниз:

— Где твои туфли?

Ань Фан замер, забыв, что хотел сказать, и посмотрел на И Хуая, как расстроенный ребенок.

— Я забыл их надеть, когда зашел, — опустив голову, он потер одну ногу об другую, стоя на деревянном полу.

И Хуай снял свои туфли и передал их Ань Фану, сам же остался босиком. Ань Фан не двигался, и И Хуай, посмотрев на него, присел и начал надевать ему тапочки. Иногда И Хуай удивлялся, как Ань Фан вообще выживал раньше. Такой человек, казалось, должен был вырасти в тепличных условиях, и если он ходил босиком или в носках, то непременно простужался.

Раньше Ань Фан часто болел без видимой причины, и все списывали на простуду. Позже И Хуай заметил причину и стал постоянно напоминать ему об этом. Но сам Ань Фан не обращал внимания, в то время как И Хуай всегда помнил об этом.

Ань Фан не сдержался, и, когда И Хуай поднял его ногу, он вдруг обнял его со спины, его спина слегка дрожала. Рука И Хуая остановилась.

Он поднял руку, чтобы остановить его, и его губы коснулись ткани на спине И Хуая, голос был хриплым:

— Я думал, ты злишься.

— Я злюсь, — низко сказал И Хуай, не показывая своего лица, и отстранил его руку, затем усадил Ань Фана к себе на колени и надел ему вторую тапочку. Надев одну, он похлопал по другой ноге, и Ань Фан послушно поднял ее.

Тапочки уже согрелись от тепла И Хуая, и, когда Ань Фан вставил в них ноги, он почувствовал, как тепло разливается по всему телу, и ему стало гораздо комфортнее.

Ань Фан снова встал, и его настроение немного улучшилось. И Хуай с бесстрастным лицом смотрел на него, не проявляя теплоты:

— Я не сказал, что не злюсь на тебя, Ань Фан.

Ань Фан почувствовал легкий укол вины.

Палец И Хуая провел по глазам Ань Фана, в которых были видны красные прожилки. Он глубоко посмотрел на И Хуая, а тот, взглянув на часы на стене, тихо сказал:

— Иди спать.

— А ты? — после паузы спросил Ань Фан.

И Хуай ничего не ответил, в его глазах читалась усталость.

— Сначала прими душ. Поговорим после.

Ань Фан глубоко вздохнул, увидев, как И Хуай потер лоб. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он кивнул и направился в ванную. Вскоре послышался звук текущей воды.

Ань Фан смотрел на струю воды, отражаясь в зеркале, и беззвучно усмехнулся. Он опустил лицо в ладони и сел на унитаз, погружившись в мысли.

Пока он принимал душ, И Хуай вышел на балкон и закурил. Он открыл окно, и запах дыма был не сильным. В темноте его лицо было трудно разглядеть, только красный огонек сигареты то загорался, то гас. Экран его телефона погас, на нем осталось сообщение от Цинь Тяньчэна.

Когда вода перестала течь, И Хуай затушил сигарету и смыл ее в унитазе. Затем он пошел в другую ванную, принял душ и вернулся в спальню. Ань Фан лежал на кровати, уставившись в потолок. Он встал сегодня в пять утра на пробные съемки и до сих пор не чувствовал сонливости. На потолке висела хрустальная люстра, которую Цинь Тяньчэн срочно заказал из-за границы, когда она закончилась на складе. Во время установки мастер случайно сломал один из плафонов, и теперь люстра казалась немного неполной. Обычно это было незаметно, но сейчас это раздражало.

Увидев И Хуая, он немного расслабился. Ань Фан встал с кровати и, увидев И Хуая в темно-синем халате с мокрыми волосами, взял с тумбочки полотенце и бросил ему.